

ПОЛИЦА ЛЮРО
УБЕЙ МЕНЯ, МАМА

Полина Люро

Убей меня, мама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70553908

SelfPub; 2024

Аннотация

Отчаянные студенты, отправившиеся в пустошь, чтобы пощекотать себе нервы в рискованной игре «на выживание», даже не подозревали, что у увязавшегося с ними неудачника Мигеля в этой поездке есть «особенный» интерес... Рассказ входит в цикл "С катушек".

Полина Люро

Убей меня, мама

Новые кроссовки оставляли чёткие следы на песке, ещё влажном после прошедшего недавно слабенького дождя, но налетевший ветер пустоши, словно издеваясь над беглецом, засыпал их брызгами серых крупинок, пригибая к земле одинокие островки пожелтевшей травы и пиная словно футбольные мячи огромные шары перекаати-поля.

Сейчас мне было не до его выкрутасов, потому что я чертовски устал убегать от тех, кто затеял с *loco Miguel*¹ игру в догонялки, с каждым часом подбираясь всё ближе и ближе. Но, честно говоря, даже это не особенно волновало измученного двадцатилетнего студента, хотя тело светловолосой девчонки в ситцевом платье, с которой мы этой ночью истово целовались на заправке, осталось где-то далеко в грязной канаве. И приятели по колледжу в заглохшем пикапе несколько часов как смотрели открытыми глазами в светлое июньское небо. Их кровь, наверное, засохла и почернела под этим палящим солнцем...

Но, видимо, *что-то не так* было с моей головой, потому что я не собирался их жалеть или, тем более, скучать по надоедливим дуракам, выбравшим такую судьбу и сполна рас-

¹ Бешеный Мигель (Исп.)

платившимся за собственное легкомыслие... Сам вчера напросился поехать с ними в приграничное захолустье, чтобы «испытать себя» в дикой игре на выживание. Где всё не как в кино, *а по-настоящему* — даже смерть...

Они только посмеялись над деревенщиной, предвкушая развлечение. Откуда же им было знать, что простачок Мигель родился и вырос в этих пустошах, *а выживание* с детства перестало для него быть просто «игрой», превратившись в почти обыденную реальность. Что неудивительно, если твой отчим — наркоман и отпетый негодяй, а мама... Бедная мама...

Неугомонный ветер снова завёл свою унылую песню, и я, насвистывая, подхватил её простенький мотив. Правая штанина джинсов намокла от крови, заплетавшиеся ноги вязли в серой пыли, но упрямо вели беглеца вперёд к давно заброшенному дому. Туда, где меня уже много лет никто не ждал...

Я лишь на мгновение прикрыл глаза, чтобы представить, как *она* радостно бросается навстречу, целуя чумазые щёки маленького сына и, вытирая пот с усталого лица, с нежностью спрашивает:

– Как дела, малыш? — осторожно перевязывая снятым с густых чёрных волос пёстрым шарфом разбитую в драке коленку, — не больно?

И, чувствуя, как немеет раненая нога — пуля прошла навывлет, не задев кость — как в детстве, шепнул в ответ:

– Совсем не больно, мама... ты только не плачь...

Толкнул незапертую калитку и, не глядя на покосившийся брошенный дом, поковылял к большому дереву на заднем дворе. Голова снова взорвалась болью, и, переждав искрящуюся темноту в глазах, я положил букетик засохших полевых цветов, больше похожих на кустики чертополоха, к подножию заросшего сухой травой холмика.

– Теперь *всё хорошо*, мама... После того как те уроды на джипе сбили тебя, бросив умирать на обочине, я перестал чувствовать и свою, и чужую боль. Разве что иногда голова чудит — с ней точно что-то не так. Это началось *ещё в тот самый день*: помнишь, как надрывно я кричал в морге, не отпуская твою холодную руку? Даже смущённый доктор и испуганный здоровенный санитар не могли оттащить несчастного мальчишку:

— *Не уходи, вернись... Убей меня, мама, я заслужил это, потому что не смог тебя защитить, хотя дал слово, что никому не позволю обижать... Я виноват, убей меня...*

Осознание своей отчаянной, граничившей с безумием детской любви и наивности вызвало горькую усмешку на потрескавшихся, покрытых дорожной пылью губах, и, размазав слёзы по щеке окровавленной рукой, тяжело вздохнул:

– Знаешь, как непросто было пережить эти ужасные уколы и злые насмешки *странных людей* в больнице? Но я всё стерпел, поклявшись, что, когда вырасту, обязательно найду тех, кто *это* с тобой сделал. И сдержал слово: скоро *они* бу-

дут здесь — я оставил за собой *прекрасные «следы»*. Наконец, негодяи за всё ответят...

Старая лопата и кирка помогли мне достать спрятанную в металлическом ящике под крыльцом взрывчатку, которую отчим умудрился натаскать домой во время своей непродолжительной карьеры подрывника. Видимо, собирался дорого продать, но, к счастью — не успел...

Когда я закончил *свою «работу»*, едкий пот заливал лицо и шею, руки и спину ломило от усталости. Хотелось только одного — лечь под старым деревом рядом с *ней*, глядя в небо до тех пор, пока не высохнут слёзы. А потом уснуть, забыв обо всём. Пусть плохие мысли улетят прочь, как те большие чёрные птицы, что сейчас кружились над старым домом, чувствуя скорую поживу...

Не замечая дрожи в ногах, опустился на пыльные доски пола и, положив отцовское ружьё рядом, обхватил колени руками, рассматривая старые фотографии в покосившихся рамках на стене. Я ждал *тех*, кто устроил в пустоши охоту на людей, не подозревая, что скоро мы поменяемся местами. На душе впервые за много лет стало удивительно спокойно:

– Приходите, я задам вам хорошую взбучку — этот дом наполнен «сюрпризами», они громко взрываются и долго горят. Будет весело... Пусть никого не останется, никого... и моя проклятая голова тоже взорвётся, как бесполезный воздушный шарик на ярмарке — ведь с ней точно что-то не так...